

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.15>

UDC 94(470)“19/20”:314.9
LBC 63.3(2Рос)64-283.31

Submitted: 01.04.2019
Accepted: 18.06.2019

**THE ATTEMPT OF THE COSSACK REVIVAL
IN THE SOCIAL AND POLITICAL SYSTEM OF RUSSIA
IN THE 20th AND EARLY 21st CENTURIES ¹**

Olga V. Rvacheva

Volgograd Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper conducts the analysis of the attempt of the Cossack revival in Russia in different historical periods of the 20th and early 21st centuries. The attempt of revival is treated as a series of social experiments that involved the government and the Cossacks as a social group. The relevance of the issue is due to the need for complex studying the relations between the government and the Cossacks in the conditions of transformation and systemic modernization in different periods. The revival experiments of different periods had both specific and common characteristics as to their tasks and forms. It is important to study the tasks, participants, forms and methods of the revival experiments in different periods. *Methods and materials.* The author uses the historical method, the conception of systemic modernization and transformation, and the conception of social and cultural construction. *Analysis.* The paper determines two main periods in the history of the relations between the government and the Cossacks in the 20th – early 21st centuries that can be characterized as “the Cossack revival”. The author establishes the reasons of those social experiments as well as the roles of participants, and the forms and ways of Cossacks’ integration into the new social and political relations. *Results.* The article determines that all the attempts of the Cossack revival were undertaken during the systemic modernization. The author determines the main difference between the periods. In the 1920s – 1930s there were transformation of the Cossacks and their adaptation to the new conditions. The late 1980s – early 1990s can be characterized as the period of social and cultural formation of the Cossacks as a social group. Within each period revival development stages that display peculiar features of those experiments can be determined. The mid 1920s was the period of involving Cossacks in the Soviet construction processes. Some Cossack cultural elements were restored and the authorities sought to establish a dialogue with the Cossacks. In the mid 1930s the government actions were rather ostentatious. In both periods the initiator of the processes was the government. In the late 1980s – early 1990s, the initiators of the revival process were Cossacks themselves while the authorities played an important role as a supporter of the revival movement. Within this period the early 2000s can be marked out when the process of the Cossack revival shifted from cultural development to the Cossacks’ public service.

Key words: Cossacks, revival, social experiment, transformation, social and cultural construction, revival forms and methods.

Citation. Rvacheva O.V. The Attempt of the Cossack Revival in the Social and Political System of Russia in the 20th and Early 21st Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 173-190. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.15>

УДК 94(470)“19/20”:314.9
ББК 63.3(2Рос)64-283.31

Дата поступления статьи: 01.04.2019
Дата принятия статьи: 18.06.2019

**ОПЫТ ВОЗРОЖДЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА ¹**

Ольга Владимировна Рвачева

Волгоградский институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта возрождения казачества в России в различные исторические периоды XX – начала XXI века. Опыт возрождения трактуется как ряд социальных экспериментов, участниками которых становились власть и казачество как социальная группа. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного подхода к изучению взаимоотношений власти и казачества в условиях трансформации и системной модернизации в различные исторические периоды. Возрожденческие эксперименты в различные исторические периоды имели как специфические черты, так и сходство в задачах и формах. Важным является исследование целей возрождения на разных исторических этапах действующих акторов, применяемых форм и методов. В работе применяются принцип историзма, концепция системной модернизации и трансформации, концепция социокультурного конструирования. В истории взаимоотношений казачества и власти в XX – начале XXI в. выделены два основных периода, к которым можно применить понятие «возрождение казачества», определены причины осуществления данных социальных экспериментов, роли акторов, сделан анализ основных форм и методов, при помощи которых казачество включалось в новые социально-политические отношения. В ходе проведенного исследования было установлено, что все эксперименты возрождения казачества возникали в период системной модернизации. Главным отличием периодов стало то, что в 1920–1930-х гг. можно говорить о ситуации трансформации казачества и приспособлении его к новым условиям, в то время как в конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг. следует говорить о социокультурном конструировании группы. В рамках каждого периода можно выделить этапы развития возрожденческих экспериментов, позволяющих раскрыть особенности осуществления этих экспериментов. Середина 1920-х гг. является периодом вовлечения казаков в процессы советского строительства, восстановления ряда культурных характеристик и налаживания диалога с казаками, в середине 1930-х гг. мероприятия власти в отношении казачества носили больше демонстрационный характер. В том и другом периоде инициатором процесса являлась власть. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. инициаторами возрождения являлись казаки, власть играла важную роль по поддержанию и развитию движения. В рамках этого периода можно выделить этап начала 2000-х гг., когда вектор этнокультурного развития казачества сменяется вектором развития государственной службы казачества.

Ключевые слова: казачество, возрождение, социальный эксперимент, трансформация, социокультурное конструирование, формы и методы возрождения.

Цитирование. Рвачева О. В. Опыт возрождения казачества в социально-политической системе Российского государства в XX – начале XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 173–190. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.15>

Введение. В новейшей истории существование казачества было отмечено многими драматическими событиями. Изменение условий существования этой группы, связанное с естественным ходом истории, модернизацией политических, экономических и социокультурных систем, эволюционная трансформация культуры и социальной организации казачества дополнялись целенаправленной политикой советской и российской власти в отношении него. Казачество, со своей стороны, не оставалось простым объектом экспериментов государства. Оно сопротивлялось или приспособлялось к социальным нововведениям, выступало инициатором новых отношений с властью. В этом сложном и противоречивом процессе выделяются два крупных периода, которые можно характеризовать, как периоды возрождения казачества. Это середина 1920-х – середина 1930-х гг. и конец 1980-х – начало 2000-х годов. Анализируемый в ста-

тье опыт возрождения трактуется автором не только как знания, приобретенные участниками возрождения, но и как социальный эксперимент, в котором его акторы – власть и казачество менялись местами, то являясь инициаторами, то ведомыми; ставили перед собой разные цели и решали задачи, весьма отличавшиеся друг от друга на разных этапах исторического развития.

Вместе с тем периоды возрождения казачества связаны между собой тем, что и в первой половине XX в. и в конце XX в. возрождение казачества происходило в ситуации масштабной системной модернизации. Как отмечают исследователи проблем модернизации, трансформационные процессы, неизбежно сопровождающие ее, охватывали все стороны жизни – экономику, систему ценностей, все социальные институты, повседневность людей. Практически все трансформационные процессы протекали болезненно, рез-

ко меняли положение разных слоев населения и вели к непредсказуемым результатам [7, с. 90–103; 38, с. 9].

Возрожденческие эксперименты в разные исторические периоды имели как сходства в целях и задачах, так и весьма серьезные отличия. Их анализ позволяет не только выявить особенности возрожденческих процессов в разные исторические периоды, но и раскрыть взаимосвязь казачьего возрождения с историческим развитием страны.

Целью данной статьи является определение общих и особенных характеристик возрождения казачества на различных исторических этапах.

Методы и материалы. Историография советского и постсоветского периода в истории казачества обширна и разнообразна по исследуемой проблематике. Среди представленных в ней работ наиболее близко к теме статьи стоят исследования о взаимоотношениях власти и казачества, раскрывающие формы и методы государственной политики и реакцию казачьего сообщества. К наиболее значимым среди них можно отнести исследования о советском строительстве и классовой борьбе на Дону Г.Л. Воскобойникова и Д.К. Прилепского, работы П.Г. Чернопицкого, Е.Н. Осколкова, А.И. Козлова, В.Н. Щетнева. О проблемах рассказывания, социально-политических настроениях казаков в 1920–1930-х гг. писали С.А. Кислицын, А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджян. В рамках изучения проблематики вовлечения казачества в советское строительство, формирования политики «лицом к казачеству» особо следует выделить работу Я.А. Перехова, исследованием модернизационных процессов в казачьих областях Юга России занимался В.А. Бондарев².

Из наиболее значимых исторических исследований по проблемам казачьего возрождения в конце XX – начале XXI в. следует выделить работы Т.В. Таболиной, в которых изучались трудности казачьего возрождения 1990-х гг. [32], С.М. Маркедонова, выдвинувшего тезис о двойственной природе казаков и неказачестве [16]. Концептуальное значение для исследования феномена казачьего возрождения в XX в. имеют работы Н.Ф. Бугая, впервые предложившего рассматривать периоды 1920-х гг., середины 1930-х гг. и конец 1980-х –

начала 1990-х гг. как этапы возрождения казачества [3]; И.О. Тюменцева, предложившего в качестве методологической основы исследования возрожденческого процесса принцип «показывания-рассказывания» [34, с. 232]; М.А. Рыбловой, рассмотревшей процесс современного развития казачества, его возрождение в конце XX в., как четвертый этап процесса трансформаций этнокультурной группы [29, с. 158–174].

Основополагающий для исторического исследования принцип историзма в рамках данной статьи дополняется методологическим подходом социокультурного конструирования, позволяющим выявить специфику возрожденческих периодов, а также концепцией системной модернизации и трансформации общественных систем.

Анализ. В XX в. казачество, как социокультурная группа, несколько раз оказывалось в ситуации, когда его присутствие в общественной системе минимизировалось. Но затем, в результате формирования новых политических установок власти оно вновь становилось активным субъектом социально-политических процессов. В 1920–1930-х гг., в условиях социалистической модернизации, нацеленности большевистской власти на растворение казачества в крестьянстве, уничтожение его специфических культурных черт, данная группа в определенный момент времени вновь оказалась востребованной.

Начало первого периода казачьего возрождения исследователи связывают с серединой 1920-х годов [3]. Казачество, как военно-служилое сословие, исполнявшее в Российской империи важные функции службы на особых условиях иррегулярности и самообеспечения, исчезло в советском государстве после принятия в 1917 г. Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов. Но казачество как социокультурный феномен сохранилось. Это проявилось, по мнению историков, в сохранении менталитета, особенностей социальной психологии, в субэтнических чертах, а также в сословной консолидации казаков [17, с. 74]. В условиях настороженного или враждебного отношения новой власти к казакам такая сплоченность в начале 1920-х гг. проявлялась в форме социальной и политической апатии.

В середине 1920-х гг. большевистская власть резко меняет отношение к казакам, начиная выстраивать с ними диалог и создавать условия для взаимодействия. Политика давления и угроз начала 1920-х гг. не принесла значительных успехов по укреплению позиций большевиков в казачьих районах. По замечанию Н.Ф. Бугая, правительство советов понимало, что без должной работы среди казачества вряд ли возможным будет силой сломить дух казаков, ликвидировать традиции, обычаи, изменить их менталитет. Таким образом, «проблема интеграции казачества в новые общественные отношения в первой половине 20-х гг. в Союзе ССР оставалась открытой» [3, с. 44].

Советский режим, как и любой другой, нуждался в общественной поддержке, поэтому главной причиной изменения отношения к данной группе населения являлась необходимость расширения социальной базы. Казачество в среднем составляло около 30 % населения на Юге России, а в ряде районов этот процент доходил до 50 %, таким образом, его реакция на проведение политических и социально-экономических реформ отражалась на общественных настроениях в целом и влияла на устойчивость партийно-советских структур в ряде регионов страны. Экономическая подоплека разворота власти в сторону этой социальной группы заключалась в том, что казачество являлось крупной сельскохозяйственной группой, а в казачьих областях производилась в значительных объемах сельскохозяйственная продукция [30, с. 89].

Действия власти по выстраиванию диалога с казачеством являлись частью общего политического курса в отношении крестьянства, принятого на XIII съезде РКП(б) в 1924 г. и получившего название «Лицом к деревне». Для разработки эффективных мер по включению казаков в советское строительство были проведены исследования казачьих территорий, в ходе которых партийно-советские органы получили подтверждение о сохранении социокультурной и экономической специфики казаков в районах их компактного проживания. При изучении настроений казачьих станиц в отчетах не раз фиксировалась традиционность и даже косность казачьего мира, приверженность прежним традициям, обычаям, соци-

альным и культурным связям в семье, в общине [11, л. 1–24].

Таким образом, решение казачьего вопроса представляло собой решение целого комплекса проблем. А.П. Кожанов отмечал, что в районах Северо-Кавказского края, где казаки составляли значительный процент населения, решать «казачьи» вопросы предстояло, как «совокупность традиций, настроений, чувств, взглядов, представлений и т. д.» [14, с. 199].

Итогом обследований стала разработка казачьего варианта политики «Лицом к деревне», который, с учетом условий Северо-Кавказского края, называли «лицом к казачьей станице» [21, с. 12], а впоследствии данный курс получит устойчивое наименование «Лицом к казачеству» [30, с. 89].

Официальное утверждение данной политики произошло после принятия на Пленуме ВКП(б) в апреле 1925 г. специальной Резолюции «О казачестве». Положения Резолюции можно определить, как формы адаптации, предлагаемые властью для казаков, нацеленные на включение их в советскую систему. Одной из главных форм такой адаптации стало вовлечение казаков в работу советов и исполнительных комитетов. Другие задействованные партийно-советским руководством методы реализации политики «лицом к казачеству», такие как привлечение казаков в партию, комсомол, общественные организации, пропаганда новых общественных отношений среди казачек и т. п. способствовали достижению нескольких целей. Это вовлечение казаков в советское строительство, создание позитивного образа власти и предложение для них методов адаптации к новой социально-политической реальности. Как отметил в своей речи на Краевом совещании Северо-Кавказского края в июне 1925 г. тогдашний первый секретарь Северокавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян, нужно было наметить пути, которые легче всего и безболезненнее всего поведут к разрешению задач и вопросов жизни и быта казаков и будут способствовать их вовлечению в активное советское строительство [15, с. 2].

Анализ документов партийно-советских органов середины 1920-х гг. позволяет увидеть содержание предложенных властью форм, которые должны были помочь совети-

зирать казачество и адаптировать его к новым социально-политическим условиям, а также результаты работы среди казачества. Во-первых, это участие казачества в советском строительстве. Во-вторых, комплекс мероприятий в хозяйственной сфере, который включал решение вопросов землеустройства, уменьшение налогов в казачьих районах. В-третьих, создание территориально-милиционной системы и развитие военной службы казаков. В-четвертых, возрождение казачьей культуры, выведение ее из сферы запретов и ограничений. Важнейшим показателем серьезности намерений власти, по мнению Я.А. Перехова, являлось вовлечение казаков в партию. Для самих казаков участие в работе партячейки создавало более высокую степень доверия к такому органу, где казак-коммунист воспринимался как «свой человек» [8, с. 21–22].

Документы краевого совещания по работе среди казачества Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б), состоявшегося в июне 1925 г. в Ростове-на-Дону, отразили ключевые проблемы работы в казачьих округах. Комплекс этих проблем был определен следующим образом: «В условиях данной обстановки, основным для нас является вопрос – будет ли казачество строить вместе с нами советское государство, будет ли участником в строительстве социализма» [15, с. 81]. Собщения с мест, из казачьих округов, позволяют судить о том, насколько успешно решался этот вопрос. Так, делегаты сообщали, что «После лозунга “Лицом к деревне”, казачество здесь почувствовало, что оно ближе к советской власти...» [15, с. 81]. На протяжении 1925 г. отмечался рост участия казачества в выборах. В среднем по донским и кубанским округам в Северокавказском крае участие в мартовских перевыборах приняло 40,6 % населения, что примерно на 10 % было больше, чем в 1924 году [17, с. 91]. В некоторых районах Северокавказского края, например, в Константиновском, на избирательные участки пришло 100 % казаков. Представительство казаков в советах на Дону и Кубани выросло в среднем на 12–13 %. Казаки активно выдвигались на должности председателей советов [33, с. 20].

Аналогичная картина наблюдалась по казачьим округам Сталинградской губернии.

В докладе на Пленуме Сталинградского губкома, посвященном итогам перевыборов в советы, проходивших в губернии в апреле 1925 г., отмечалась «усиливающаяся активность деревни и ее интересы к совстроительству» [12, л. 97об.].

Приводились факты сближения казаков с партией. В ряде низовых партийных ячеек ситуация поменялась столь кардинально, что они стали почти полностью казачьими. Например, представитель Семикаракорского района представлял сведения о 14 казаках и только 4 иногородних в партийной ячейке [33, с. 22].

Отмечалось, что для казачества открывшаяся возможность возврата к некоторым элементам традиционной культуры имела большое значение и способствовала изменению отношения к советской власти: «И если казак наденет форму и будет называть себя красным казаком, это будет укрепление советской власти, потому что он будет доволен, он будет чувствовать, что он надевает то, что хочет, живет той жизнью, какой хочет, и будет чувствовать, что это его родная власть...» [15, с. 89].

В резолюции июньского краевого совещания Северокавказского крайкома РКП(б) 1925 г., подводившей итоги уже проделанной работы среди казачества, было отмечено, что казачество выведено из замкнутого состояния, в котором оно находилось и курс «лицом к казачеству» способствовал хозяйственному и культурному подъему [15, с. 19, 22].

Таким образом, в ответ на действия советско-партийных органов казачество также повернулось «лицом к власти». Об изменении настроений казаков образно высказался один из делегатов краевого совещания Северокавказского крайкома РКП(б) 1925 г.: «Казаки, можно сказать, зашевелились, что, мол, хотя мы и считаем себя пленниками, но нас Советская власть и партия уже признали, как равноправных граждан. Когда ставится вопрос, что можно носить черкеску и кинжал, то у него [казака] ретивое-бытовое заговорило, и в данный момент он идет на совещание и настроение уже не то, как раньше было. Они ждут, что даст им это совещание по казачьему вопросу» [15, с. 19, 22]. Такая реакция казачества позволяет говорить еще об одном результате политики «лицом к казачеству»: сохранении, хотя и в измененном виде, соци-

альной идентичности, что положительно влияло на настроения казаков. Следствием этого стал в том числе и рост доверия к партийно-советским структурам.

Наиболее востребованной формой адаптации казачества к новым социально-политическим реалиям стала военная служба, рассматриваемая в контексте советизации казачества, вовлечения его в процессы советского строительства. Разделяя в целом этот подход, хотелось бы акцентировать внимание на возможностях военной службы казачества, как адаптационного механизма, позволявшего интегрировать казачество в систему советского строя, использовать его военный потенциал, а казачьему сообществу приспособиться к новым социальным условиям.

На Юге России ставку на военную службу казаков власть сделала при создании в 1923 г. территориально-милиционной системы прохождения военной службы. Помимо военной задачи эта система выполняла также социальную – формировала настроения лояльности. Территориально-милиционная система по структуре и принципам организации очень напоминала иррегулярные войска российской империи, основную часть которых составляли казаки. Власть использовала данный факт для привлечения казачества. Представитель Реввоенсовета СКВО В.Г. Володин, выступая с докладом о территориальном строительстве на Краевом совещании по работе среди казачества при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) в 1925 г., нашел, что «старая система казацкой военной службы в значительной мере была похожа на ту систему, которую проводит сейчас правительство СССР, строя оборону страны» [15, с. 144]. Такая постановка вопроса позволяла решать несколько задач – сугубо военную, социально-адаптивную и идеолого-политическую (формирование настроений лояльности к власти в казачьих районах).

Документы свидетельствуют о том, что казаки с большой охотой шли служить в территориально-милиционные части. Любовь казачества «к военному делу, верховой езде, джигитовке» рассматривалась партийно-советскими структурами, «как качества, необходимые для наших кавалерийских частей» [15, с. 147], а также формирующие новое советское казачество. Приводились факты, сви-

детельствовавшие о том, что казаки, призываемые в территориально-милиционные части, непременно желали идти в кавалерию, так как это соответствовало их традиционному представлению о военной службе: «...у меня сына взяли в полевые части, а он природный кавалерист, поэтому я прошу вернуть его сюда» [15, с. 41], «на Тереке уже сложилось такое мнение: служить хорошо в терчастях, носить казачью форму тоже неплохо» [15, с. 51].

Факты отношения казаков к службе в армии как к возможности воспроизводства и сохранения своей казачьей идентичности, приводимые делегатами совещания, свидетельствуют о том, что большевикам удалось найти и предложить казакам действительно эффективную форму адаптации и последующего включения их в советскую систему. Так, например, поясняя удачный ход приписки молодых казаков к кавалерийским терчастям (приписка прошла больше чем на 100 %), делегаты говорили, что «казаки приветствуют службу на коне, они любят гарцовать на седле, любят казацкое седло» [15, с. 51].

Итак, в середине 1920-х гг. казачество активно проявляет себя. Ряд его характерных элементов было восстановлено, хотя и в трансформированном виде. Сохранившаяся сословная консолидация позволила занять прочные места в советах и даже провести туда бывшую станичную элиту (атаманов, представителей офицерства и пр.) Вместе с тем взаимоотношения казачества и власти сохраняют в этот период противоречивость и конфликтность. Ряд уступок казачеству было расценено последними, как слабость [30, с. 173, 174 и др.]. Исследователи отмечают, что казачество, проводя в советы бывшую станичную элиту (атаманов, офицеров и пр.), пыталось реализовать сословный интерес и действовало весьма сплоченно, сохраняло уверенность «в своем этносословном единстве» [1, с. 116, 117].

Партийно-советские структуры, со своей стороны, не намерены были восстанавливать казаков в их правах и сословном статусе. Политика «лицом к казачеству» нередко характеризуется, как временная мера. По мнению А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджяна, конечным итогом политики «лицом к казачеству» должно было стать завершение расказачивания [30, с. 99]. С.А. Кислицын отмечает, что

характеристика действий власти в середине 1920-х гг., как поиска консенсуса с казачеством – это «приятное преувеличение замыслов партии» [13, с. 292]. На деле же партийное руководство продолжало проводить линию на расказачивание.

Во второй половине 1920-х гг., в связи с изменением стратегии построения социализма и усилением внеэкономического воздействия на крестьянство, взаимоотношения между властью и казаками качественно меняются к худшему [2, с. 614]. На фоне роста социального протеста земледельцев Юга России ОГПУ начинает кампанию по выявлению контрреволюционных казачьих организаций. Одна из решаемых в рамках этих кампаний задач – изъятие из казачьей среды социально активного населения для продолжения политики советизации казачества [2, с. 613–624].

Окончательная трансформация казачества произошла к середине 1930-х годов. В этот период начался новый этап активного взаимодействия власти и казачества, сопровождающийся выделением казаков, как социальной группы, среди сельского населения Юга России, акцентировкой внимания на культурных особенностях казачества, прежде всего воинской культуре.

В начале 1936 г. в стране развернулась кампания, получившая название «за советское казачество». На Юге России проводятся различные мероприятия с участием казачества. В прессе появляется обширный материал об успехах колхозного строительства в казачьих станицах, успехи советского строительства на Юге России освещаются с обязательным упоминанием достижений казаков. Население казачьих хуторов и станиц становится активным участником таких хозяйственных кампаний, как подъем животноводства и в особенности коневодства на Юге России.

Кампания «за советское казачество» была вызвана комплексом причин. Но с точки зрения анализа условий, факторов и механизмов трансформационных процессов, продолжавшихся в уже советском обществе, наибольший интерес представляет, прежде всего, ситуация с подготовкой общества к принятию новой Конституции в ноябре 1936 г., а также необходимость обращения к сохранявшемуся военно-культурному потенциалу казачества.

Мероприятия, проводимые властью в середине 1930-х гг. в отношении казачества, можно разделить на три основные группы: политические, социально-экономические и культурные. К мероприятиям политического характера относились различного рода обращения и заявления партийных и правительственных органов, в контексте которых казачество представлялось, как группа, лояльная к власти.

В начале 1936 г. в центральной прессе выходят две программные статьи – «Советские казаки» и «Колхозное казачество», в которых содержались основные политические установки для казачьего сообщества и в целом для всего советского общества относительно разворачивания кампании «за советское казачество». Впоследствии основные идеи статей относительно того, что казачество стало советским и колхозным, будут настойчиво преподноситься советской общественности практически в каждом материале по казачьей тематике. Таким образом, власть будет манифестировать свое отношение к казачеству, как к части нового советского общества.

В приветственных речах руководителей партийно-советских структур тех регионов, где проживало казачество, красной нитью проходила мысль о трансформации казаков из врагов советской власти в ее защитников, в социальную группу, ставшую частью советского общества. Так, первый секретарь Азово-Черноморского краевого комитета ВКП(б) Б.П. Шеболдаев, выступая на торжественном заседании Ростовского Совета 15 марта 1936 г., охарактеризовал прошедшие с казаками изменения следующим образом: «...та часть населения нашего края, которая раньше активно выступала против революции, которая в свое время боролась против советской власти, которая в 1932 г. больше всего поддавалась кулацкому саботажу, сейчас полностью и целиком с нами...» [6]. Аналогичным образом высказался и секретарь Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) Е.Г. Евдокимов. Описав произошедшие за годы советской власти перемены в казачьих хуторах и станицах, в среде казачества он подчеркнул, что «...теперь уже казаки не те, казаки теперь советские...» [23]. А маршал С.М. Буденный отмечал: «Все речи сводятся к тому,

что сегодняшние казаки – советские казаки, ничего общего не имеющие со старым, позорным прошлым. Это – социалистические казаки, являющиеся неотделимой частью великой трудовой семьи народов СССР» [31]. Под характерным названием «Советские казаки – неотделимая часть великой семьи народов СССР» его речь была напечатана в газете «Молот».

Другой формой, подчеркивающей значимость казаков в современных социально-политических условиях, стали приемы казачьих делегаций у политических и советских руководителей. Так, после возвращения делегации донских казаков-животноводов из Москвы, после того как они были награждены орденом Ленина, в Ростове-на-Дону их приняло краевое руководство в лице первого секретаря Азово-Черноморского края Б.П. Шеболдаева и председателя Азово-Черноморского крайисполкома В.Ф. Ларина. Встречи такого рода носили не столько содержательный, сколько внешний, презентационный характер и были соответствующим образом обставлены внешними атрибутами.

В октябре 1936 г. в краевой газете «Молот» вышла статья, в которой было своеобразное подведение хозяйственных и идеолого-политических итогов года. Статья называлась «Победа колхозного казачества». Резюмирующим было следующее положение статьи: «Не узнать теперь казацких колхозов, тесной стеной сплотилось казачество вокруг партии и советской власти, казак узнал новую замечательную жизнь» [20].

К мероприятиям социально-экономического характера можно отнести активное вовлечение казачества в подъем и развитие животноводства и конкретно коневодства. Знаковым действием здесь стало приглашение казачьих делегаций в Москву на Всероссийское совещание передовиков животноводства в феврале 1936 года. На этом совещании казаки не только заявляли о своем желании трудиться на благо Родины, но и публично, активно и весьма воинственно демонстрировали стремление защищать достижения социализма [26, с. 155–156].

И, наконец, последняя группа мероприятий кампании «за советское казачество» – это мероприятия культурной направленности,

пропагандистские по своему характеру. Также, как и в середине 1920-х гг., в середине 1930-х гг. культура казачества вновь оказалась в центре внимания власти. Однако культурные формы не столько возрождались, сколько создавались заново или приобретали значение, прежде всего, демонстрационных форм. В середине 1920-х гг. восстановление культурных традиций казаков должно было способствовать примирению их с властью, убедить представителей данной социальной группы в том, что партийно-советское руководство отказалось от идеи уничтожения казачьей идентичности в культурной сфере. В середине 1930-х гг. публичные культурные формы (а именно им уделяли основное внимание) презентовали новый образ советского казачества. Наиболее яркой формой такой культурной демонстрации были конные переходы и конные парады казаков. Первый такой переход вокруг Кавказского хребта состоялся в декабре 1935 г. – феврале 1936 года.

В казачьих районах Азово-Черноморского и Северо-Кавказского края активно создаются казачьи хоры и танцевальные коллективы. В 1935 г. такой хор был создан в станице Провоторовской Хоперского округа Сталинградского края [28, с. 528], зимой – весной 1936 г. в Азово-Черноморском крае казачьи хоры были созданы в Черноерковском районе, в Базковском районе Северо-Донского округа. В этом же округе в феврале по инициативе Округного Исполнительного комитета создается государственный казачий хор из «лучших певцов казаков и казачек, членов самодеятельных кружков станиц и хуторов» и т. д. [9].

По-прежнему самой востребованной формой презентации нового казачества оставалась военная служба казаков. На протяжении всего 1936 г. в газетах периодически печатали коллективные и индивидуальные письма казаков, и почти в каждом так или иначе говорилось о готовности казаков защищать свою родину от врагов. Например, 11 февраля 1936 г. в газетах было опубликовано письмо донских казаков Народному комиссару по иностранным делам М.М. Литвинову, в котором они заверяют наркома о своей готовности встать на защиту СССР в условиях ухудшающейся международной обстановки [18]. В марте 1936 г. было напечатано письмо ку-

банских казаков маршалу СССР К.Е. Ворошилову, в котором звучали заверения о готовности кубанских казаков также встать на защиту советской родины [19]. Помимо коллективных писем-обращений в газетах встречается большое количество личных писем от казаков с выражением желания служить в казачьих частях, постигать военное искусство, готовности защищать родину.

Таким образом, как и в середине 1920-х гг. военная культура и военная сфера деятельности становились для казаков формой и способом дальнейшей адаптации к советской системе. В середине 1930-х гг. военная служба казаков вновь приобретает институциональные черты, а одним из важных механизмов становления института становятся клубы и кружки ворошиловских кавалеристов.

В апреле 1936 г. произошло событие, которое принято считать одним из важнейших в процессе нормализации отношений между казачеством и советской властью. 20 апреля 1936 г. вышло Постановление ЦИК Союза ССР, в котором отменялись все ранее существовавшие для казачества ограничения в отношении их военной службы [22]. Были созданы казачьи части, в которых даже форма во многом повторяла образцы обмундирования казачьих военных частей Дона, Кубани и Терека. Таким образом, продолжался процесс интеграции казаков в советскую общность и создания из казачества социального резерва. Постановление ЦИК СССР от 20 апреля 1936 г., на наш взгляд, стало промежуточным этапом в реализации планов советского руководства и по конструированию новой общности «советский народ» и по приспособлению казачьей военно-культурной традиции под нужды Советского государства.

Период 1930-х гг. в контексте анализа этапов возрождения казачества можно охарактеризовать, как период демонстрационный. Реального возрождения казачества в данный период не происходило. Об этом говорит и краткосрочность периода, отмечаемая всеми специалистами-историками, изучавшими этот вопрос (фактически это был один год – 1936). Однако этот исторический отрезок для казачества стал завершением трансформации его в часть советского общества, с сохранением элементов традиционной социокультурной си-

стемы, которая постепенно уходила из сферы социально-публичной в сферу домашнюю. Во второй половине 1930-х гг. уже никаких специальных кампаний официальной поддержки в отношении казаков не проводилось. Однако партийно-советскому руководству удалось достичь важнейшей цели – сделать казаков частью советской системы. Это отчетливо проявилось в период Великой Отечественной войны, когда казачество в подавляющем большинстве встало на защиту родины.

Сыграв свою социальную роль, казаки в послевоенный период, в 1950-х гг., опять оказались в ситуации растворения в общей массе советского народа. Сохранялось лишь эпизодическое их присутствие, в качестве социокультурного феномена, в культурной сфере традиционных казачьих регионов в форме фольклорных ансамблей или казачьих музеев. Однако потомки казаков, перестав быть сплоченным сообществом, тем не менее, продолжали сохранять на бытовом уровне ряд традиционных социокультурных черт группы. Несмотря на то что в целом трансляция традиционной культуры, связанных с ней социальных практик прервалась, казакам удавалось сохранять на протяжении всего советского периода память о своем происхождении.

В конце 1980-х гг. в условиях распада советской системы казачество вновь появляется на исторической сцене, но его очередное возвращение оказалось вызванным новыми причинами и повлекло за собой иные, нежели в 1920–1930-х гг. последствия.

Движение за возрождение казачества сформировалось в результате действия множества факторов и причин. В качестве социально-экономической причины выступает усилившийся во второй половине 1980-х гг. кризис советской системы, повлекший за собой распад политических, экономических и социальных связей в СССР, в качестве ментальной причины можно назвать идеологический и духовный кризис советского общества, приведший к поиску новых идейных и духовных основ и, шире, к поиску новой идентичности, взамен утратившей свою актуальность идентичности «советский народ». Сюда же можно отнести и кризис в сфере культуры, в широком смысле этого слова, поиск новых культурных форм. В 1980-х гг. в СССР начинает-

ся процесс этнического возрождения, в ходе которого сформировался запрос этнических обществ на концептуальное обоснование этнокультурных форм развития. Данный процесс также оказал большое влияние на казачье возрождение.

В распадавшемся советском обществе шел активный поиск и конструирование новых форм самоорганизации и социокультурной идентификации. Одной из таких форм и становится казачество. Цели и задачи возрождения, нашедшие отражение в документах первых казачьих обществ, а также практика свидетельствовали о том, что главной идеей являлось возрождение казачества в новом для него качестве – народа, восстановление прежних социокультурных основ существования казачьих обществ. Само понятие «возрождение казачества» содержало в себе отсыл в прошлое, но оно также содержало имманентно присущий феномену возрождения процесс конструирования новых социокультурных форм на основе наиболее удачных исторических образцов. Такую ситуацию в казачьем возрождении историки называли поиском «золотого века» казачьей истории [16].

Импульс началу движения за возрождение казачества дало создание в январе 1990 г. землячества казаков в Москве. Всех, кто принял участие в создании землячества, заботило одно – «как объединить и поднять казаков» [32, с. 46]. В июне 1990 г. в Москве была создана первая казачья организация «Союз казаков», а затем казачьи организации стали создаваться практически во всех регионах страны, но наиболее интенсивно этот процесс шел на Юге России на территориях традиционного проживания казачества. Таким образом, движение за возрождение казачества в конце XX в. возникло из общественной инициативы и объединяло, прежде всего, потомков казаков. По воспоминаниям инициатора создания казачьего землячества в Москве Г.Л. Немченко, эта идея встретила большую поддержку со стороны потомков казаков. В адрес Московского землячества стали поступать письма из регионов с просьбой помочь организовать землячества на местах.

В формировании и последующей работе казачьих обществ принимали участие представители различных социальных групп [25].

В воспоминаниях участников первых казачьих организаций почти всегда отмечается, что движение рождалось на волне энтузиазма и его создатели были воодушевлены возможностью воссоздавать казачество: «Круги проходили в полностью забытых залах. От желающих выступить не было отбоя. Каждый старался подбросить инициативу поважнее» [10, с. 19].

Однако следует отметить, что общий «романтический» настрой 1980–1990-х гг. привел в движение немало случайных людей, тех, кто не имел отношения к казачеству, но которых привлекала яркая внешняя сторона возрожденческого процесса.

Общим для большинства, кто в конце 1980-х – начале 1990-х гг. присоединился к казачьему движению, стала память о своем происхождении, сохранение и возрождение истории казачества. О необходимости изучения и широкой пропаганды казачьей истории говорилось во всех программных документах казачьих организаций. Речь шла о создании казачьих музеев, памятников казачьей культуры, о необходимости увековечивания памяти выдающихся представителей казачества, воссоздание разрушенных и создание новых памятников, в том числе жертвам исторической трагедии казачества [37]. В качестве общего для всех примера можно привести выдержки из документов Кубанского казачьего войска начала 1990-х гг., в которых определялись задачи организации и самих казаков. К таковым относили восстановление исторической правды о казачестве, восстановление исторических названий станиц, городов, улиц, сохранение памятников материальной культуры кубанского казачества, сохранение и развитие казачьих традиций, уклада жизни и пр. [36, л. 81, 284]. Коммеморативная практика становится важнейшим направлением казачьего возрождения конца XX – начала XXI века.

Цели движения, сформулированные в уставах казачьих организаций, позволяют выделить важнейшие направления казачьего возрождения этого периода. Во-первых, это возрождение казачества как народа. Например, в уставе организации терского казачества 1991 г. говорилось о «духовном и организационном объединении казачества, как этнической общины – народа, имеющего равные пра-

ва на самоуправление наряду с другими народами» [35, л. 173]. Данная цель была связана с политикой репрессий, проводимой в отношении казачества в 1920–1930-х годах. Сформировавшийся в итоге феномен «раненной памяти» народа стал важнейшим фактором развития казачьего возрождения [24]. Во-вторых, поддержка и развитие казачьей культуры, воссоздание культурных традиций и ценностей. В-третьих, восстановление важнейших элементов социокультурной системы (самоуправления и военной службы казачества).

Логика возрожденческого процесса предусматривала постоянное обращение к традиции, использование традиционных форм организации систем казачьей власти и управления, или, по крайней мере, использование внешних признаков (например, названий), которые идентифицировали бы институт с его исторической формой. В Уставах казачьих организаций говорилось, что власть принадлежит кругам и атаманам, действовали правления, советы стариков и др. Все это имело важное символическое значение для казачьего возрождения, свидетельствовало о восстановлении культурной традиции и как бы связывало современных казаков с их прошлым, что в условиях прерванной в советский период трансляции культурного опыта имело большое значение.

Так, возрождение исторических образцов таких институтов, как атаман и круг было тесно связано с необходимостью воссоздания одного из важнейших элементов казачьей социокультурной системы – самоуправления. В документах казачьих организаций и различных казачьих форумов постоянно подчеркивалась важность системы самоуправления для возрождения казачества. В попытках участников процесса возрождения восстановить системы казачьего самоуправления проявился ключевой принцип возрождения – реконструкция исторического института сообщества, результатом которой становится приобретение этим институтом новых качеств и новой формы.

В казачьем культурном возрождении можно, на наш взгляд, выделить две тенденции. Первая тенденция – это возрождение традиции, попытка через новые социальные формы (казачьи общества) адаптировать традиционные культурные формы. В рамках этой

тенденции рождались молодежные фольклорные движения, был реализован проект обучения всех желающих традиционной манере пения, игры на инструментах и т. п., то есть возвращение фольклора в быт [27].

Вторая тенденция – это создание (конструирование) новых традиций и культурных форм, порой посредством эклектичного произвольного сочетания исторических культурных элементов, порой посредством «изобретения традиции»³. Казачье возрождение, ориентированное на возврат в прошлое, в совокупности с поиском новой идентичности в постсоветской реальности способствовало тому, что в процессе возрождения происходило формирование/воссоздание объектов, ритуалов, праздников, которые могли манифестировать мнемонические стратегии [4, с. 8].

Копировались исторические образцы казачьей одежды, различные традиции, начиная от застолья, проводов молодых казаков в армию и заканчивая системой наказаний, принятой у казаков. Однако многое из того, что воспроизводилось, носило характер эклектичного, произвольного сочетания различных образцов прошлого и в сущности нередко являло собой новую традицию.

В конце XX в., так же как в 1920–1930-х гг., казачья военная служба имела особое значение как для самих казаков, так и для государства. Военную службу можно назвать системообразующим элементом, определявшим само существование казаков, как военно-служилого сословия, определявшим характер жизнедеятельности группы. Стремление к службе нередко трактовалось и как некое имманентное качество, присущее казакам: «Казак рождался воином, с малолетства готовил себя к военной службе» [5, с. 78–79]. Обращение к военной традиции и стремление восстановить казачью службу также можно отнести к ситуации реконструкции системы казачьих обществ. В документах казачьих обществ обосновывается необходимость возрождения традиций казачьей службы. В принятых резолюциях Учредительного круга Союза казаков говорится о необходимости возрождения казачьих войск в структуре армии, что, по мнению участников казачьего форума, поможет реорганизовать армию и сделать ее более эффективной [5, с. 78–79].

Казачьи структуры планомерно налаживали контакты с представителями силовых ведомств. Так, например, по распоряжению атамана Кубанской казачьей Рады В.П. Громова в Москве при вице-президенте России было создано Представительство кубанских казаков, которое установило контакты с Министерством обороны, командующими различными видами Вооруженных сил. В итоге в армии появляются части с названием «казачьи». Однако ни по структуре, ни по способу комплектования они не были схожи с традиционными казачьими частями. Название «казачьи» являлось в этом случае лишь внешним атрибутом. Более перспективным стало развитие другого направления казачьей службы – казачьих дружин по охране общественного порядка. Ухудшение криминогенной обстановки в России, приграничные конфликты остро ставили вопрос сохранения порядка и безопасности в ряде районов страны. Казачьи дружины здесь становились весьма эффективным инструментом поддержания общественного спокойствия.

В отличие от возрождения казачества в 1920–1930-х гг., когда инициатором диалога с казаками выступила власть и она же предложила форму включения казаков в новое общественное устройство, в 1990-х – начале 2000-х гг. власть скорее идет вслед за участниками возрождения. Предлагаемые ею законодательные инструменты, программы развития, особенно в 1990-х гг., – это попытка упорядочить уже развернувшееся движение, ввести его в организационно-правовое поле.

Однако при этом действия власти задают направление движению за возрождение казачества, создают ситуацию, когда те или иные формы возрождения получают поддержку и импульс к развитию, или, наоборот, сворачиваются. Так, ключевым для возрождения казачества, безусловно, стал Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» № 1108-1, принятый Верховным Советом РСФСР 26 апреля 1991 года. Сам закон, и та формулировка, с которой туда вошло казачество, впоследствии вызовут многочисленную критику, тем не менее, после принятия закона «стало возможно юридически говорить о наличии соответствующего явления в жизни страны» [32, с. 70]. Впоследствии упомина-

ние казаков в Законе «О реабилитации репрессированных народов» станет важным аргументом участников возрожденческого процесса при отстаивании этнических прав казаков.

В 1990-х гг. на федеральном уровне была декларирована поддержка традиционных форм самоуправления казачества. В частности, об этом шла речь в Указе Президента Российской Федерации № 632 от 15 июня 1992 г. «О мерах по реализации закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества».

Поддержка казачества в этот период имела схожие причины с предыдущими этапами возрождения. А именно – это необходимость расширения социальной базы в условиях системной модернизации. Возрожденческий период конца XX – начала XXI в. также можно разделить на два этапа. Границей здесь является 2005 г. и выход Закона о государственной службе российского казачества. Принятые позже Концепция государственной политики в отношении казачества, а также Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 г. свидетельствовали об изменении вектора развития казачьего возрождения. Этнокультурная составляющая отходила на второй план, уступая место государственной службе казаков, которая для власти являлась более актуальной.

Результаты. В социальном эксперименте, определяемом как «возрождение казачества», можно выделить два периода. Это середина 1920-х – середина 1930-х гг. и конец 1980-х – первое десятилетие 2000-х годов. Нижние границы этих периодов – начало системной модернизации в России, означавшее изменение всех государственных и общественных систем. Возрождение казачества совпадало с началом данных модернизационных процессов и было вызвано ими. Несмотря на то что рассматриваемые исторические эпохи кардинально отличались друг от друга, казачество в том и другом случае являлось востребованной для государства социальной группой, играло важную роль в политических и социально-экономических процессах.

При всей несхожести конкретных проявлений модернизационных процессов в указанные периоды в отношении казачества, они

имели ряд сближающих их элементов. Это роль власти, ее целей, которые она преследовала, обращаясь к казакам, способствуя восстановлению казачества как социального явления, в 1920–30-х гг. и в 1990–2000-х годах. Это задачи, которые готовы были решать казаки и которые были актуальны для государства. Это значение культуры и традиций для возрождения и сохранения казачества.

Отличие же состояло в следующем. В период середины 1920-х – середины 1930-х гг. инициатором диалога с казачеством как с социальной группы являлось государство. Партийно-советские органы формировали политику «лицом к казачеству», открывали кампанию «за советское казачество», предлагали казакам адаптационные формы вхождения в новую социально-политическую систему (советы, территориально-милиционная система и пр.). Казачество восприняло данные формы и приняло активное участие в процессах строительства советской системы.

Сохранявшаяся социокультурная специфика казачества признавалась властью и являлась важным моментом в корректировке политического курса в казачьих районах. Таким образом, возрождение здесь следует понимать, как выход из состояния социальной апатии и включение в модернизационные процессы, в целом же происходившее с казачеством являлось ситуацией трансформации, в результате которой группа приобретала новые социальные признаки, более приемлемые для советской системы.

В конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг. инициатором возрожденческого процесса становится само казачество, и оно же создает и развивает культурные формы своего возрождения. Концептуально возрождение предполагало обращение к прошлому, взятие исторических образцов за основу в настоящем. Однако исторические образцы в процессе их включения в современную ситуацию кардинально видоизменялись, а нередко превращались в абсолютно новые феномены, как, например, казачье самоуправление или казачьи организации, позиционирующие себя в качестве преемников казачьих войск Российской империи. Таким образом, ключевым методологическим принципом для анализа возрожденческих процессов данного периода явля-

ется принцип социокультурного конструирования, позволяющий лучше понять не только суть самого возрождения, но и то, как оно вписывалось в политический, экономический и социальный контекст конца XX – начала XXI века.

Государство играло важную роль в оформлении и направлении возрожденческих процессов конца XX – начала XXI века. С учетом того, что в этот период создается вертикаль управления казачьими обществами, контролируемая государственной властью, разрабатываются нормативно-правовые документы и государственные программы по развитию казачества, можно говорить, что для государства казачество приобретает важное значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ. Проект № 19-411-340002 (р-а) «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ».

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Project no. 19-411-340002 (p-a) “Territorial Communities in the Conditions of Social Transformations: Social and Managerial Analysis”.

² Подробнее историографический обзор работ по изучению взаимоотношения казачества и власти в 1920–1940-х гг. см.: [26, с. 33–46].

³ Термин, впервые примененный Э. Хобсбаумом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, А. В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) / А. В. Баранов // Новейшая история России. – 2013. – № 3. – С. 112–125.
2. Баранов, А. В. Протестные настроения донского казачества и репрессивная политика власти конца 1920-х – 1930-х гг. / А. В. Баранов, О. В. Рвачева // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8, № 3. – С. 613–624.
3. Бугай, Н. Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-е годы) / Н. Ф. Бугай. – М.: [Б. и.], 2000. – 89 с.
4. Вельцер, Х. Поколение дедов в Европе. Результаты сравнительного изучения механизмов культурной преемственности в европейских стра-

нах / Х. Вельцер, К. Ленц // Отечественные записки. – 2008. – № 44 (5). – С. 8.

5. Водолацкий, В. П. Возрождение: Первый круг казаков Дона / В. П. Водолацкий, А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов н/Д : ИИЦ «Дончак», 2006. – 144 с.

6. Выступление товарища Б.П. Шеболдаева на торжественном заседании Ростовского совета, 15 марта 1936 г. // Молот. – 1936. – 23 марта (№ 4444).

7. Голенкова, З. Т. Основные тенденции трансформации социального неравенства / З. Т. Голенкова // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. – М. : КАНОН-пресс-Ц, 2001. – С. 90–103.

8. Горюнов, П. О. О казачьем вопросе. Из наблюдений и опыта по Ейскому району Донского округа / П. О. Горюнов. – Новочеркасск : [Б. и.], 1925. – 32 с.

9. Государственный казачий хор // Молот. – 1936. – 28 февр. (№ 4424).

10. 20 лет Хоперскому округу (краткая история возрождения Хоперского казачьего округа). – Урюпинск : [Б. и.], 2010. – 77 с.

11. Доклад об итогах и формах работы в казачьих округах Сталинградской губернии. 1924 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНВО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 112а. – Л. 1–24.

12. Доклад об итогах перевыборов в Сталинградской губернии Пленуму Сталинградского Губкома РКП(б) Губернской Избирательной комиссии // ЦДНВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 125.

13. Кислицын, С. А. Указ и шашка: политическая власть и донские казаки в первой половине XX века / С. А. Кислицын. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 360 с.

14. Кожанов, А. П. Донское казачество в 20-х годах XX века : учеб. пособие по спецкурсу / А. П. Кожанов. – Ростов н/Д : Литфонд, 2004. – 292 с.

15. Краевое совещание по работе среди казачества при Сев.-Кавказском крайкоме РКП(б) (с 22.VI – 26.VI.25 г.). – Ростов н/Д : Изд-во С.-К. Крайкома РКП(б), 1925. 187 с.

16. Маркедонов, С. М. Государевы слуги или бунтари-разрушители? (к вопросу о политических отношениях донского казачества и российского государства) / С. М. Маркедонов // Консерватизм и традиционализм на юге России. Южнороссийское обозрение. – 2002. – № 9. – С. 130–160.

17. Перехов, Я. А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.) / Я. А. Перехов. – Ростов н/Д : Гефест, 1997. – 140 с.

18. Письмо донских казаков Народному комиссару по иностранным делам товарищу Литвинову // Молот. – 1936. – 11 февр. (№ 4409).

19. Письмо кубанских казаков товарищу Ворошилову // Молот. – 1936. – 5 марта (№ 4429).

20. Победа колхозного казачества // Молот. – 1936. – 24 окт. (№ 4622).

21. Постановление Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета «О работе советов в бывших казачьих областях С.-К. края» от 26 августа 1925 г. // Известия Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета. – 1925. – 15 сент. (№ 15).

22. Постановление ЦИК СССР от 20 апреля 1936 г. «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик. – 1936. – 19 мая (№ 22). – С. 24.

23. Праздник советского казачества. Речь секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) товарища Е.Г. Евдокимова на Пленуме Ростовского горсовета с участием советских казаков Дона, Кубани, Терека и горцев Северного Кавказа // Молот. – 1936. – 22 марта (№ 4443).

24. Рвачева, О. В. Гражданская война в исторической памяти потомков казаков / О. В. Рвачева // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики) : материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. – С. 84–89.

25. Рвачева, О. В. Движение за возрождение казачества на Юге России в начале 1990-х гг.: организационные формы, идеи и участники процесса / О. В. Рвачева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21, № 4. – С. 124–134. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.4.13>.

26. Рвачева, О. В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения казачества в период социалистической модернизации 1920–1940-х гг. / О. В. Рвачева. – Волгоград : Изд-во Волгогр. ин-та управ. фил. РАНХиГС, 2017. – 232 с.

27. Рудиченко, Т. С. Культурные традиции донского казачества в социальном дискурсе (конец XX – начало XXI века) / Т. С. Рудиченко // Южнороссийский музыкальный альманах. – 2010. – № 2. – С. 3–8.

28. Рудиченко, Т. С. Трансформации культуры казачества Юга России / Т. С. Рудиченко, М. А. Рыблова // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. – ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 516–536.

29. Рыблова, М. А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях / М. А. Рыблова // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 6. – С. 158–174.

30. Скорик, А. П. Донцы в 1920-х годах : Очерки истории / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.

31. Советские казаки – неотделимая часть великой семьи народов СССР. Речь маршала Советского Союза товарища С. М. Буденного // Молот. – 1936. – 20 марта (№ 4441).

32. Таболина, Т. В. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы / Т. В. Таболина. – М. : [Б. и.], 1999. – 252 с.

33. Тикиджьян, Р. Г. Новая экономическая политика советского государства и проблема представительства донских казаков в органах власти и самоуправления в 1920-е годы / Р. Г. Тикиджьян // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2011. – № 1 (19). – С. 18–24.

34. Тюменцев, И. О. Модернизационный потенциал и сценарии развития казачьего движения на Юге России / И. О. Тюменцев // Современное состояние и сценарии развития Юга России : материалы науч.-практ. семинара Объединенного отдела социально-политических и экономических проблем южных регионов ЮНЦ РАН (7–8 декабря 2005 г.). – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. – С. 232–237.

35. Уложение (Устав) Терского казачества. 1991 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 10144. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 172–178.

36. Устав Всекубанского казачьего войска. 1993 // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-1843. – Оп. 1. – Д. 2.

37. Устав Донецкого казачьего округа // Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Союз казаков Области войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов. Исследования и документы. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2002. – С. 441–447. – (История современного донского казачества).

38. Ядов, В. А. А все же умом Россию понять можно / В. А. Ядов // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. – М. : КАНОН-пресс-Ц, 2001. – С. 9–11.

REFERENCES

1. Baranov A.V. Politicheskie nastroyeniya zemledeltsev kazachyego Yuga Rossii v usloviyakh «rasshireniya» nera 1924–1926 gg. (po materialam informatsionnykh svodok OGPU) [Political Sentiments of Farmers of the Cossack South of Russia in the Conditions of the “Expansion” of the New Economic Policy of 1924–1926. (Based on Information Reports of the All-Union State Political Administration)]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2013, no. 3, pp. 112-125.

2. Baranov A.V., Rvacheva O.V. Protestnyye nastroyeniya donskogo kazachestva i repressivnaya politika vlasti kontsa 1920-kh – 1930-kh gg. [Protest Sentiments of the Don Cossacks and the Repressive Policy of the Power in the Late 1920s –1930s]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2018, vol. 8, no. 3, pp. 613-624.

3. Bugay N.F. *Kazachestvo Rossii: ottorzhenie, priznanie, vozrozhdenie (1917–90-e gody)* [The Cossacks of Russia. Rejection, Recognition, Revival (1917–90s)]. Moscow, 2000. 89 p.

4. Veltser Kh., Lents K. Pokolenie dedov v Evrope. Rezultatsravnitel'nogo izucheniya mekhanizmov kulturnoy preemstvennosti v evropeyskikh stranakh [Generation of Grandfathers in Europe. Results of the Comparative Study of Mechanisms of Cultural Continuity in European Countries]. *Otechestvennye zapiski*, 2008, no. 44 (5), p. 8.

5. Vodolatskiy V.P., Ozerov A.A., Kiblitkiy A.G. *Vozrozhdenie: Pervyy krug kazakov Dona* [Revival: The First Circle of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, IITs «Donchak», 2006. 144 p.

6. Vystuplenie tovarishcha B.P. Sheboldaeva na torzhestvennom zasedanii Rostovskogo soveta, 15 marta 1936 g. [Speech of Comrade B.P. Sheboldaev at the Ceremonial Meeting of the Rostov Council, March 15, 1936]. *Molot*, 1936, March 23, no. 4444.

7. Golenkova Z.T. Osnovnyye tendentsii transformatsii sotsial'nogo neravenstva [Main Trends of Social Inequality Transformation]. Yadov V.A., ed. *Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo* [Russia. Transforming Society]. Moscow, KANONpress-Ts, 2001, pp. 90-103.

8. Goryunov P.O. *O kazachyem voprose. Iz nablyudeniya i opyta po Eyskomu rayonu Donskogo okruga* [About the Cossack Issue. From Observations and Experience in Yeysk District of the Don District]. Novocheerkassk, 1925. 32 p.

9. Gosudarstvennyy kazachiy khor [State Cossack Chorus]. *Molot*, 1936, February 28, no. 4424.

10. *20 let Khoperskomu okrugu (kratkaya istoriya vozrozhdeniya Khoperskogo kazachyego okruga)* [20th Anniversary of Koper District (Brief History of Revival of Koper Cossack District)]. Uryupinsk, 2010. 77 p.

11. Doklad ob itogakh i formakh raboty v kazachyikh okrugakh Stalingsradskoy gubernii. 1924 g. [Report on the Results and Forms of Work in the Cossack Districts of Stalingrad Province. 1924]. *Tsentrdokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti (TSDNI VO)* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 1, Op. 1, D. 112a, L. 1-24.

12. Doklad ob itogakh perevyborov v Stalingsradskoy gubernii Plenumu Stalingsradskogo Gubkoma RKP(b) Gubernskoy Izbiratel'noy komissii [Report on the Results of Relections in Stalingrad

Province to the Stalingrad Provincial Committee Plenum of the Russian Communist Party (Bolsheviks) of the Provincial Election Commission]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti (TSDNI VO)* [Documentation Centre of Modern History of Volgograd Region], F. 1, Op. 1, D. 125.

13. Kislitsyn S.A. *Ukaz i shashka: politicheskaya vlast i donskie kazaki v pervoy polovine XX veka* [Decree and Shashka. Political Power and Don Cossacks in the Early 20th Century]. Moscow, LENAND Publ., 2015. 360 p.

14. Kozhanov A.P. *Donskoe kazachestvo v 20-kh godakh XX veka. Uchebnoe posobie po spetskursu* [The Don Cossacks in the 20s of the 20th Century. Study Guide on a Special Course]. Rostov-on-Don, Litfond Publ., 2004. 292 p.

15. *Kraevoe soveshchanie po rabote sredi kazachestva pri Sev.-Kavkazskom kraykome RKP(b) (s 22.VI – 26.VI.25 g.)* [Regional Meeting on the Work Among the Cossacks at the North Caucasian Regional Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) (Between June 22 – June 26, 1925)]. Rostov-on-Don, Izd-vo S.-K. Kraykoma RKP (b), 1925. 187 p.

16. Markedonov S.M. Gosudarevy slugi ili buntari-razrushiteli? (k voprosu o politicheskikh otnosheniyakh donskogo kazachestva i rossiyskogo gosudarstva) [Monarchic Servants or Rebels and Destroyers? (To the Issue of Political Relations Between the Don Cossacks and the Russian State)]. *Konservativizm i traditsionalizm na yuge Rossii. Yuzhnorossiyskoe obozrenie*, 2002, no. 9, pp. 130-160.

17. Perekhov Ya.A. *Vlast i kazachestvo: poisk soglasiya (1920–1926 gg.)* [Power and the Cossacks. Search of Consent (1920–1926)]. Rostov-on-Don, Gefest Publ., 1997. 140 p.

18. Pismo donskikh kazakov Narodnomu komissaru po inostrannym delam tovarishchu Litvinovu [Letter of Don Cossacks to the National Commissioner on Foreign Affairs Comrade Litvinov]. *Molot*, 1936, February 11, no. 4409.

19. Pismo kubanskikh kazakov tovarishchu Voroshilovu [Letter of Kuban Cossacks to Comrade Voroshilov]. *Molot*, 1936, March 5, no. 4429.

20. Pobeda kolkhoznogo kazachestva [Victory of the Collective Farm Cossacks]. *Molot*, 1936, October 24, no. 4622.

21. Postanovlenie Severo-Kavkazskogo Kraevogo Iсполnitelnogo Komiteta «O rabote sovetov v byvshikh kazachyikh oblastiakh S.-K. kraya» ot 26 avgusta 1925 g. [Resolution of the North Caucasian Regional Executive Committee “On the Work of Councils in the Former Cossack North Caucasian Areas of the Region” of August 26, 1925]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo Kraevogo Iсполnitelnogo Komiteta*, 1925, September 15, no. 15, p. 12.

22. Postanovlenie TsIK SSS ot 20 aprelya 1936 g. «O snyatii s kazachestva ogranicheniy po sluzhbe v RKKA» [Resolution of the Central Executive Committee of the USSR of April 20, 1936. “On Removal of Restrictions on Service in the Workers’ and Peasants’ Red Army from the Cossacks]. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy Raboche-krestyanskogo pravitelstva Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh respublik*, 1936, May 19, no. 22, p. 24.

23. *Prazdnik sovetского kazachestva. Rech sekretarya Severo-Kavkazskogo kraykoma VKP(b) tovarishcha E.G. Evdokimova na Plenumе Rostovskogo gorsoveta s uchastiem sovetских kazakov Dona, Kubani, Tereka i gortsev Severnogo Kavkaza* [Holiday of the Soviet Cossacks. Speech of Secretary of the North Caucasus Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) Comrade E.G. Evdokimov at the Plenum of the Rostov City Council with the Participation of the Don, Kuban, Terek Soviet Cossacks and the Peoples of the North Caucasus]. *Molot*, 1936, March 22, no. 4443.

24. Rvacheva O.V. Grazhdanskaya voyna v istoricheskoy pamyati potomkov kazakov [Civil War in the Historical Memory of the Descendants of Cossacks]. *Sotsialnoe protivostoyanie i ego proyavleniya na Yuge Rossii v XX – nachale XXI v. (k stoletiyu nachala Grazhdanskoy voyny i obrazovaniya Donskoy respubliki): materialy Vseros. nauch. konf. (g. Rostov-na-Donu, 19–22 sent. 2018 g.)*. [Social Opposition and Its Manifestations in the South of Russia in the 20th – Early 21st Century (To the Centenary of the Civil War Beginning and the Don Republic Formation). Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Rostov-on-Don, September 19–22, 2018]. Rostov-on-Don, YuNTs RAS, 2018, pp. 84-89.

25. Rvacheva O.V. Dvizhenie za vozrozhdenie kazachestva na Yuge Rossii v nachale 1990-kh gg.: organizatsionnye formy, idei i uchastniki protsessa [Movement for Revival of the Cossacks in the South of Russia in the Early 1990s. Organizational Forms, Ideas and Participants of the Process] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 4, pp. 124-134. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.4.13>.

26. Rvacheva O.V. *Politika partiyno-sovetских organov i sotsialno-politicheskie nastroyeniya kazachestva v period sotsialisticheskoy modernizatsii 1920–1940-kh gg.* [Policy of the Party and Soviet Bodies and Socio-Political Sentiments of the Cossacks During the Socialist Modernization of the 1920s – 1940s]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo instituta upravleniya filiala RANKhiGS, 2017. 232 p.

27. Rudichenko T.S. Kulturnye traditsii donskogo kazachestva v sotsialnom diskurse (konets XX – nachalo XXI veka) [Cultural Traditions of the Don Cossacks in the Social Discourse (Late 20th – Early 21st Century)]. *Yuzhnorossiyskiy muzykalnyy almanakh* [South-Russian Musical Anthology], 2010, no. 2, pp. 3-8.

28. Rudichenko T.S., Ryblova M.A. Transformatsii kultury kazachestva Yuga Rossii [Transformations of the Culture of the Cossacks of the South of Russia]. *Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii* [Sketches of the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala – FGBOU VPO RANKhiGS, 2014, pp. 516-536.

29. Ryblova M.A. Donskoe kazachestvo: k voprosu ob «istokakh» i sotsiokulturnykh transformatsiyakh [The Don Cossacks. To the Issue of “Sources” and Social and Cultural Transformations]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2010, no. 6, pp. 158-174.

30. Skorik A.P., Tikidzhyan R.G. *Dontsy v 1920-kh godakh: Ocherki istorii* [Don Cossacks in the 1920s. History Sketches]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2010. 244 p.

31. Sovetskie kazaki – neotdelimaya chast velikoy semyi narodov SSSR. Rech marshala Sovetskogo Soyuza tovarishcha S.M. Budennogo [The Soviet Cossacks – An Inseparable Part of the Great Family of the USSR Peoples. Speech of Marshal of the Soviet Union Comrade S.M. Budenny]. *Molot*, 1936, March 20, no. 4441.

32. Tabolina T.V. *Kazaki: drama vozrozhdeniya. 1980 –1990-e gody* [Cossacks. Drama of Rrevival. 1980s – 1990s]. Moscow, 1999. 252 p.

33. Tikidzhyan R.G. Novaya ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva i problema predstavitelstva donskikh kazakov v organakh vlasti i samoupravleniya v 1920-e gody [The New Economic Policy of the Soviet State and the Problem of Representing the Don Cossacks in the Authorities and Self-Government in the 1920s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State

University. History. Area Studies. International Relations], 2011, no. 1(19), pp. 18-24.

34. Tyumentsev I.O. Modernizatsionnyy potentsial i stsenarii razvitiya kazachyego dvizheniya na Yuge Rossii [Modernization Potential and Scenarios of the Development of the Cossack Movement in the South of Russia]. *Sovremennoe sostoyanie i stsenarii razvitiya Yuga Rossii: materialy nauch.-prakt. seminaru Obyedinennogo otdela sotsialno-politicheskikh i ekonomicheskikh problem yuzhnykh regionov YuNTs RAN (7–8 dekabrya 2005 g.)* [Current State and Scenarios of the South of Russia Development. Proceedings of the Scientific and Practical Seminar of the Joint Department of Social and Political and Economic Problems of Southern Regions of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (7–8 December 2005).]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2006, pp. 232-237.

35. Ulozhenie (Ustav) Terskogo kazachestva. 1991 [Code (Charter) of the Terek Cossacks. 1991]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], F. 10144, Op. 1, D. 6, L. 172-178.

36. Ustav Vsekubanskogo kazachyego voyska. 1993 [Charter of the All-Kuban Cossack Host. 1993]. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK)* [State Archive of Krasnodar Krai (SAKK)], F. P-1843, Op. 1, D. 2.

37. Ustav Donetskogo kazachyego okruga [Charter of the Donetsk Cossack District]. Ozerov A.A., Kiblitkiy A.G., eds. *Soyuz kazakov Oblasti voyska Donskogo. Voyskovoy ataman M.M. Sholokhov. Issledovaniya i dokumenty* [Cossack Union of the Don Cossack Host Region. Host Ataman M.M. Sholokhov. Studies and Documents]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 2002, p. 441-447. (Istoriya sovremennogo donskogo kazachestva [History of the Modern Don Cossacks]).

38. Yadov V.A. A vse zhe umom Rossiyu ponyat možno [Nevertheless Russia Can be Understood with the Mind] *Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo* [Russia. Transforming Society]. Moscow, KANON-press-Ts Publ., 2001, pp. 9-11.

Information about the Author

Olga V. Rvacheva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Public Administration and Political Science, Volgograd Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St., 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, olgarvacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>

Информация об авторе

Ольга Владимировна Рвачева, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, olgarvacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>